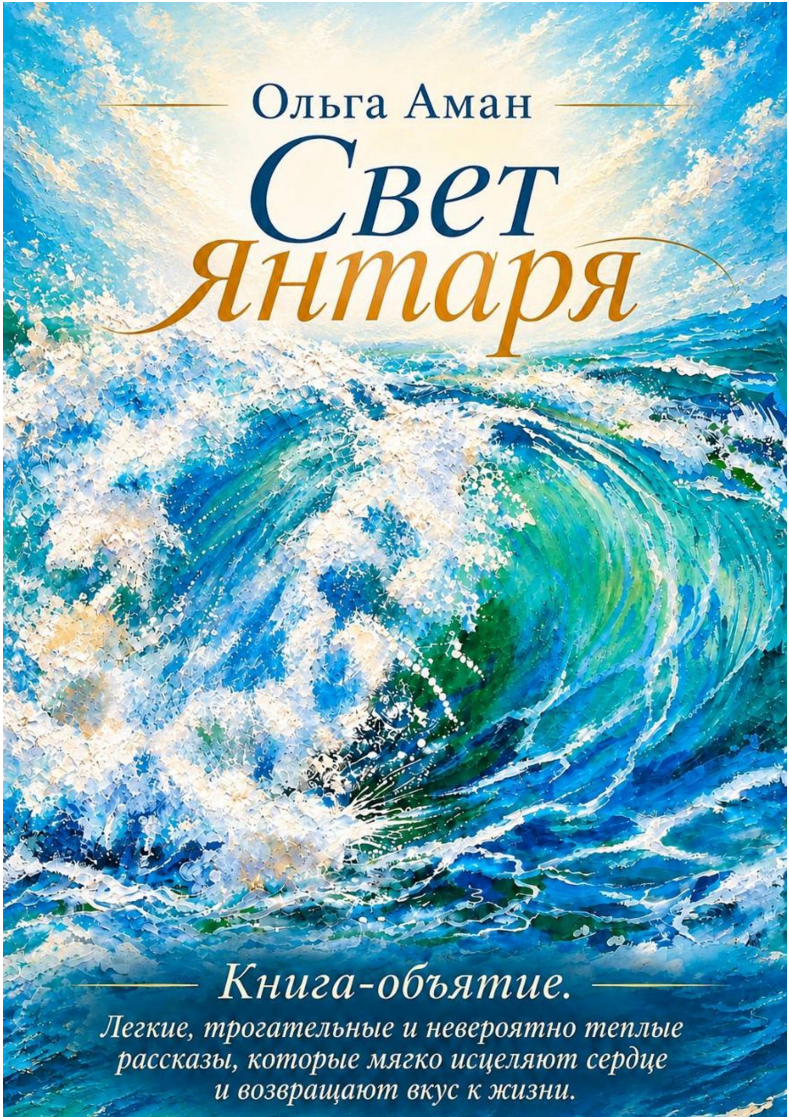

Ольга Аман
Свет Янтаря
Книга-объятие.
Легкие, трогательные и невероятно теплые рассказы, которые мягко исцеляют сердце и возвращают вкус к жизни.

Ольга Аман
СВЕТ ЯНТАРЯ

https://litres.ru/74747199
SelfPub; 2026

Аннотация

«Свет янтаря» — новая книга рассказов Ольги Аман, способная стать настоящим лекарством от душевной усталости.

Каждая история здесь — это бережно сохраненный кусочек тепла, застывший, словно капля смолы на солнце. Автор с удивительной чуткостью подмечает детали человеческих взаимоотношений, находя поэзию и глубокий смысл в самых простых жизненных моментах.

Благодаря исключительно легкому слогу книга читается на одном дыхании, оставляя после себя долгое и уютное послевкусие. Это глубокая и трогательная проза с мощным терапевтическим эффектом — книга, к которой хочется возвращаться в поисках утешения, гармонии и душевного равновесия.

«Иногда, чтобы залечить душевные раны, не нужны громкие слова. Достаточно теплого взгляда, чашки чая и хорошей истории».

«Свет янтаря» Ольги Аман — это книга-объятие. Легкие, трогательные и невероятно теплые рассказы, которые мягко исцеляют сердце и возвращают вкус к жизни.

Содержание

Две недели	4
Сердце на краю	9
Муха	18
Река времени	23
Один день	49
Надежда, любовь и счастье	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Ольга Аман
СВЕТ ЯНТАРЯ

Две недели

Он поставил чашку на стол и сел рядом, наблюдая, как она убирает свои сокровища. Вот мягкий ластик, похожий на кусочек серого теста. Вот точилка, похожая на серебряного жука. Вот карандаши, каждый сточен под своим, только ей ведомым углом. Они были продолжением ее пальцев, ее мыслей, ее души. Он смотрел на ее руки — тонкие, с длинными пальцами, испачканными графитом. Эти руки могли сотворить чудо на пустом листе бумаги, а могли нежно провести по его щеке, и от этого прикосновения внутри все замирало.

— Дом становится пустым, неживым, без тебя — повторил он, скорее для себя, чем для нее.

Она застегнула молнию на пенале и отложила его в сторону. Взяла его руку в свои.

— Он не пустой, — тихо сказала она. — В нем остаешься ты. И все мои вещи. И мои чашки. Она кивнула в сторону буфета.

— Они будут тебе напоминать обо мне.

— Они только усиливают тоску, — усмехнулся он. —

Каждое утро я буду думать, из какой бы ты сегодня пила кофе. Из той, с синими васильками, если бы у тебя было игривое настроение? Или из строгой, с золотым ободком, если бы ты была сосредоточена на новой идее?

Она улыбнулась.

— Ты так хорошо меня знаешь.

— Я люблю тебя. Этого достаточно, чтобы знать.

Она допила кофе, поставила чашку на блюдце и поднялась. Он тоже встал. Мгновение перед уходом всегда было самым тяжелым. Воздух густел, наполнялся невысказанными словами, которые цеплялись за одежду, за волосы, не желая отпускать.

— Я оставила альбом на столе, — сказала она, уже накидывая на плечи легкий плащ.

— Можешь посмотреть.

Он кивнул, не в силах произнести ни слова. Проводил ее до двери, помог выкатить небольшой чемодан на колесиках в коридор. Последнее объятие, долгое, отчаянное. Он вдыхал аромат ее волос, смешанный с запахом дождя и чего-то неуловимо-цветочного. Ее духи.

— Я позвоню, как доберусь, — прошептала она ему в самое ухо.

— Буду ждать.

Она никогда не разрешала себя провожать. Какая-то примета, ведомая только ей одной.

Дверь щелкнула. Замок провернулся. Тишина, оглушаю-

щая и вязкая, мгновенно заполнила дом, вытесняя остатки ее тепла. Он постоял так с минуту, прислушиваясь к удаляющему шороху шин. Медленно вернулся в комнату.

На столе лежал ее альбом. Сердце забилось быстрее. Он всегда уважал ее просьбу «не смотри», ее личное пространство, ее маленький мир, куда она пускала его только тогда, когда сама была готова. И вот этот момент настал.

Он сел на диван и осторожно, словно это было нечто хрупкое и драгоценное, взял альбом в руки. На последней странице альбома был рисунок.

Это был не портрет. Не его лицо.

На листе бумаги, в легких, летящих штрихах графита, была изображена кухня. Его кухня. Утренний свет падал из окна, очерчивая контуры старого дубового буфета. На плите стояла медная турка, над которой вился едва заметный парок. А рядом, на столешнице, стояли две чашки. Одна — ее, тонкая, фарфоровая, с едва заметным узором. А вторая — его. Обычная, большая, белая, из которой он пил кофе каждое утро. Они стояли рядом, близко-близко, словно вели безмолвный диалог.

И под рисунком, ее знакомым, чуть наклонным почерком, была всего одна фраза:

«Мой дом».

Мой дом.

Он смотрел на рисунок, и комок подступил к горлу. Она никогда не рисовала его, потому что рисовала нечто большее. Она рисовала их мир. Их утро. Их тишину. Их любовь, запечатленную в двух чашках, ждущих кофе.

Дом больше не казался пустым. Он был наполнен до краев. Он осторожно закрыл альбом, прижал его к груди, как недавно это делала она, и улыбнулся сквозь подступившие слезы. Две недели. Он сможет подождать.

Сердце на краю

Тишина ванной комнаты давила на уши. Анна сидела на холодном кафельном полу, прислонившись спиной к белоснежной стене. В руке она сжимала пластиковый корпус теста на беременность, его гладкая поверхность казалась чужой и враждебной. Полчаса. Целых полчаса она не могла заставить себя перевернуть его. Полчаса, которые тянулись как вечность, наполненные гулом собственных мыслей и страхом перед неизвестностью.

Шесть лет. Шесть лет брака, которые казались одновременно и долгими, и пролетевшими как один миг. Шесть лет, наполненных тишиной, которую они оба старательно поддерживали. Шесть лет, когда дети были для Сергея чем-то вроде назойливых мух — раздражающими, ненужными, отвлекающими от его упорядоченного мира. Он всегда говорил это с такой уверенностью, с такой незыблемой категоричностью, что Анна даже не смела спорить. Ей казалось, что его раздражало практически все: слишком громкий смех подруг, слишком яркое солнце за окном, слишком долгий разговор по телефону. И все чаще, с болезненной ясностью, она понимала, что и она сама, его жена, его спутница жизни, тоже начала его раздражать.

Но уходить из этого уютного, налаженного быта, из этой предсказуемой жизни, Сергей не собирался. Он ценил

комфорт, стабильность, отсутствие лишних хлопот. И вот, несколько месяцев назад, он объявил. Буднично, как будто речь шла о покупке нового дивана или замене лампочки.

— Нам нужен ребенок, Аня, — сказал он, жуя тост с джемом. В его голосе не было ни тени сомнения, ни намека на глубокие размышления. Просто констатация факта, как будто он решил, что пора обновить интерьер.

С тех пор первое число нового месяца превратилось в ритуал. Утром, за завтраком, Сергей, с той же невозмутимостью, с которой он подавал ей утреннюю газету, вручал ей новый тест на беременность.

Он покупал их сам, всегда разные, как будто проводя какое-то свое, неведомое ей исследование. И каждый месяц, после того как она, с дрожащими руками, выполняла предписанные инструкции, наступало это мучительное ожидание. Ожидание, которое сегодня достигло своего апогея.

Ее пальцы были холодными, несмотря на тепло комнаты. Она чувствовала, как сердце колотится где-то в горле, мешая дышать. Что там? Две полоски, означающие новую главу, новую жизнь, новую надежду? Или одна, означающая продолжение этой тягостной неопределенности, этого молчаливого ожидания, которое, казалось, разъедало их брак изнутри?

Сергей поставил условие. Это было не просто условие, это был ультиматум. Если в этом месяце она не забеременеет, он уйдет. Уйдет из этого дома, из этой жизни, которую они так тщательно строили. И это было самое страшное. Не сама бе-

ременность, не сам ребенок, а именно это условие. Оно превращало ее тело, ее женственность, ее способность к продолжению рода в некий товар, в условие для сохранения брака.

Она закрыла глаза, пытаясь отогнать образы. Образы Сергея, его холодного взгляда, его равнодушного тона. Образы их пустой квартиры, где эхом отдавались только их шаги. Образы того, что будет, если…

С дрожью в руках она перевернула тест. Две яркие, четкие полоски. Две полоски, которые должны были означать счастье, но сейчас казались приговором. Приговором к чему? К новой борьбе? К попытке удержать его, доказав свою «полезность»? Или к неизбежному концу, если даже это не сможет его удержать?

Анна подняла голову, ее взгляд упал на дверь ванной. Там, за ней, ждал Сергей. Ждал вердикта. И она, с тестом в руке, чувствовала себя так, будто стояла перед судом, где ей предстояло вынести приговор не только себе, но и их будущему. И она не знала, какой приговор будет правильным.

Тишина за дверью ванной комнаты казалась оглушительной. Анна чувствовала, как по спине стекает холодный пот несмотря на то, что в помещении было тепло. Две полоски. Две полоски, которые должны были стать символом их совместного будущего, а теперь казались лишь очередным звеном в цепи его условий. Он хотел ребенка, но не потому, что любил детей или мечтал о семье. Он хотел ребенка, потому что это было очередным пунктом в его списке "обязательных

атрибутов" для сохранения брака.

Ее пальцы сжимали пластиковый корпус теста так сильно, что костяшки побелели. Она видела эти полоски, но мозг отказывался их воспринимать. Это было слишком сюрреалистично. Шесть лет он избегал этой темы, как чумы, а теперь, когда она наконец-то наступила, это было не радостью, а очередным испытанием. Испытанием на прочность его любви, его верности, его желания быть с ней.

"Если не забеременеешь в этом месяце, я уйду". Эти слова эхом отдавались в ее голове, заглушая даже стук собственного сердца. Он не сказал "мы расстанемся", он сказал "я уйду". Это звучало так окончательно, так безжалостно. Как будто он уже собрал чемоданы и просто ждал удобного момента, чтобы объявить о своем решении.

Анна медленно поднялась, ноги казались ватными. Она подошла к зеркалу, посмотрела на свое отражение. Бледное лицо, испуганные глаза, растрепанные волосы. Она не узнавала себя. Где та Анна, которая когда-то мечтала о детях, о смехе в доме, о семейных вечерах? Эта Анна была сломлена, испугана и совершенно потеряна.

Она сделала глубокий вдох, пытаясь собраться с силами. Нужно было выйти. Нужно было встретиться с ним лицом к лицу. Нужно было сказать ему. Но что сказать? "Да, я беременна. Теперь ты останешься?" Или "Да, я беременна. Но я не уверена, что хочу этого ребенка от тебя, который ставит мне условия"?

Ее рука потянулась к дверной ручке. Холодный металл обжег кожу. Она представила его лицо, когда он увидит тест. Будет ли в его глазах хоть тень радости? Или только облегчение от того, что она выполнила его условие?

— Сергей…, — с дрожью в голосе произнесла она. Ее голос прозвучал хрипло и неуверенно. Она открыла дверь. Он стоял там, в гостиной, с чашкой кофе в руке, его взгляд был прикован к телевизору. Он даже не поднял головы.

— Да? — равнодушно спросил он, не отрываясь от экрана.

Я не беременна. Эта фраза, произнесенная ею с дрожью в голосе, повисла в воздухе, как невидимая стена между ней и Сергеем. Он, казалось, не услышал ее слов, или, что еще хуже, не придал им значения.

— Что ж, я не меняю своих решений! — его голос был спокоен, но в этой спокойствии таилась стальная решимость, которая пугала Анну до глубины души. Он поставил чашку на стол, звук фарфора о дерево показался ей оглушительным, и вышел из комнаты, оставив ее наедине с тишиной и собственными страхами.

Анна опустилась на диван, чувствуя, как ноги отказываются держать ее. Часы на стене, казалось, замедлили свой ход, каждая секунда растягивалась в вечность. Ей хотелось верить, что это какая-то нелепая шутка, что Сергей сейчас вернется, сядет рядом, обнимет ее и прошепчет, что ничего страшного, что прошло еще не так много времени, и все обязательно получится. Она с надеждой смотрела на проем в

коридор, вглядываясь в темноту, словно пытаясь разглядеть его силуэт. Руки ее лежали на коленях, в правой зажат тест на беременность. Сердце колотилось в груди, как загнанная птица, готовая вырваться на свободу. В голове роились сомнения: может, стоило сказать правду? Может, нужно было признаться, что она беременна? Зачем эти проверки, эти унизительные тесты, когда они семья? Или они уже не семья? Не нужно тешить себя иллюзиями, твердила она себе, но надежда, эта коварная спутница, не отпускала.

В коридоре послышался шум. Анна нашла в себе силы встать, ноги все еще казались ватными. Она вышла из гостиной. Сергей обувался, рядом с ним стоял чемодан. Он даже не посмотрел на нее, словно она была невидимкой. Выпрямился, вынул из кармана ключи, бросил их на консольный стол с глухим стуком. Буднично, словно собираясь на работу, посмотрел на себя в зеркало, поправил непослушную челку и вышел.

Дверь хлопнула, и этот звук, такой обыденный, прозвучал для Анны как приговор. Она вздрогнула, словно от удара, и медленно сползла по стене, чувствуя, как силы покидают ее. Слезы покатились по щекам, горячие и горькие. Шесть лет семейной жизни, шесть лет общих планов, надежд и мечтаний лопнули, как мыльный пузырь, оставив после себя лишь пустоту и горький привкус разочарования.

Анна не помнила, сколько просидела в коридоре. Время, казалось, остановилось, застыв в тягучей, беззвучной паузе.

Только тиканье часов, где-то в глубине квартиры, отбивало свой привычный, равнодушный ритм, напоминая о существовании мира, который сейчас казался таким далеким и чужим. Наконец, с усилием, словно поднимая неподъемный груз, Анна встала. Ее тело ныло от долгого сидения, но физическая усталость была ничем по сравнению с той опустошенностью, что поселилась в душе. Она медленно погасила свет, погружая коридор в полумрак, и шагнула на лестничную клетку.

Дверь за ней закрылась с глухим щелчком, отрезая ее от остатков привычной жизни. Каждый шаг вверх отдавался эхом в пустом пространстве. Третий этаж, четвертый, пятый, шестой… Двери соседних квартир, плотно прижатые друг к другу, безмолвно смотрели на нее. В их темных глазницах окон, казалось, отражалась вся скорбь, что плескалась в глазах Анны. Она чувствовала их немой укор, их равнодушие к ее боли. Но ей было все равно. Ее путь лежал выше.

Наконец, она достигла последней двери, ведущей на крышу. Толкнула ее. Дверь, на удивление, легко поддалась, словно приглашая ее войти. Анна шагнула вперед, и перед ней открылся город. Ветер тут же подхватил ее растрепанные волосы, заставив их танцевать в воздухе. Она медленно подошла к краю, к бетонному парапету, который казался таким хрупким перед лицом бездонного неба. Села, подтянув колени к груди. Город внизу жил своей жизнью. Она была одна, наедине с собой и с этой безграничным, пустым вечером.

Она сидела на краю крыши шестиэтажного дома. Ноги спустила вниз, почти не держалась, словно сама была ветром, который играл с её светлыми волосами. Ветер развевал их, и она не пыталась убрать их с лица — они ей не мешали. Ей ничего не мешало. Она сидела уже час и не могла принять решение.

Внизу пестрели машины, обгоняя друг друга, словно соревнуясь в бесконечной гонке. Одиночные прохожие не спешили поднять голову, чтобы обратить внимание на одинокую молодую женщину, сидящую так высоко, на краю мира. Жизнь текла в своем ритме — у кого-то медленном вальсе, у кого-то страстном танго, а кто-то танцевал фокстрот своей судьбы, не замечая ничего вокруг.

Городское солнце медленно пряталось за крыши домов, словно боясь за неё, за эту одинокую женщину, которая казалась частью ветра и неба. Теплый вечер спустился на крышу и старался обнять её за плечи, подарить немного покоя и тепла.

Она глубоко вздохнула, почувствовав, как сердце начинает биться чуть быстрее. Решение не пришло сразу, но в этот момент она поняла — жизнь не всегда требует мгновенных ответов. Иногда достаточно просто быть здесь и сейчас, позволить ветру унести страхи и сомнения.

Она поднялась, отряхнула платье и, улыбнувшись своему отражению в стекле соседнего окна, сделала шаг назад от края. Внизу город продолжал свой танец, а она — свой но-

вый путь.

Муха

Муха медленно ползла по стеклу. Ползла, ползла и свалилась.

Как символично, подумала Маша. Она сидела за учительским столом, подперев голову, и с тоской смотрела на студентов.

Как мухи сонные, не могут доползти до финиша. Вот теперь сиди с ними в субботу, принимай зачёт. Наказали и себя, и ее. Она глубоко вздохнула. Солнце нещадно палило. Воздух в кабинете можно было резать ножом на куски. Открытые форточки не помогали.

— Зачем я напялила этот костюм? — подумала она, чувствуя, как блузка под пиджаком совсем промокла от пота. Ох уж этот дресс-код. Она провела рукой по лицу. Хорошо, что хоть догадалась волосы убрать в пучок.

Мария Васильевна преподавала в этом колледже второй год. Сначала попросили заменить заболевшего преподавателя, потом ещё одного — и затянуло. Она несколько раз пыталась уйти, но директриса слёзно просила остаться, и Маша сдавалась.

— Ну чего они там? — думала Маша, глядя на пятерых девочек, сидевших за мониторами. — Совсем от жары все забыли.

— Пусть бы уже списали, — с тоской думала Маша, и все

дружно пошли бы домой.

Муха пошла на разворот, стремительно взлетела и снова ударилась о стекло.

— Вот дура! — покачала головой Маша. — Форточка рядом!

Но муха усердно билась о стекло, словно не замечая выхода.

Сейчас хорошо, одни тесты. Сиди, выбирай из предложенных вариантов — и всё. А когда я сдавала экзамены, всё бы-

ло совсем иначе: билет, время на подготовку, ответ.

Вспомнилось Маше, как в школе на экзамене по географии она вооружилась шпаргалками — узкими тетрадными листочками, исписанными красивым мелким почерком.

Маша аккуратно подвернула пояс на юбке и спрятала их. Билеты она знала хорошо, географию любила. Шпаргалками никогда не пользовалась, да и списывать не умела. Зачем их сделала — до сих пор остаётся загадкой. Когда она вытащила билет, он оказался чудесным — любимые облака. Ответила блестяще. Комиссия довольно кивала головами. Маша улыбалась.

— Иди, Веселова. Отлично! — четко проговорила председатель комиссии.

Маша на радостях поправила юбку и выбежала в коридор.

Ровно через минуту вышла Елена Тимофеевна, учитель географии. В руках — листочки, исписанные Машиным почерком.

— Тебе повезло, что поставили тройку! — вздохнула она, покачав головой. — Эх, Маша, Маша… Забирай! Елена Тимофеевна протянула руки с предательскими шпаргалками и резко развернулась к Маше спиной.

Горечь обиды захлестнула Машу. Слезы беззвучно катились по её щекам. Эту тройку она запомнила на всю жизнь — эдакий урок.

— Господи, как давно это было. Какая я древняя, — вздохнула Маша и посмотрела на студентов, сидевших перед

ней. Сейчас всё иначе.

Лена Горохова сидела за партой и перебирала прядки волос, словно пыталась упорядочить мысли, запутавшиеся в голове. Рядом Ирина что-то бормотала себе под нос, словно повторяя заклинание, чтобы успокоиться. Глаза Гали были полны слёз — она не могла сдержать эмоций.

— Интересно, я машину закрыла? — вслух проговорила Маша, словно пытаясь убедить себя.

— Если сомневаетесь, Мария Васильевна, нужно проверить. Мало ли что! — прокричали девочки хором.

— Я быстро! — сказала Маша, подхватила сумку и выскочила из класса.

Прикрыв дверь, она медленно спустилась на первый этаж. Там стоял кофейный автомат. Она опустила монетки и выбрала американо. Кофе темной струйкой наполнил бумажный стаканчик.

— Бе, — подумала Маша и всё-таки сделала глоток. Держа стаканчик, подошла к окну. Во дворе цвели яблони их бело-розовые цветы казались особенно нежными в солнечном свете. На посту тихо сопел охранник, погружённый в свои мысли.

Маша посмотрела на часы — пора! Бросила стакан в мусорку, и каблучки застучали по лестнице.

Нарочито громко подошла к классу и дернула ручку двери.

Поток воздуха подхватил муху и вынес её в форточку.

— Девочки, забыла закрыть машину-то! — засмеялась она.

Река времени

Река Времени… Она такая. Движение, движение, движение. Неумолимое, вечное, без начала и конца, лишь с бесконечным продолжением.

Вот она, полноводная, во всю ширь, весной, когда талые воды горных вершин и бескрайних полей сливаются в единый мощный поток. Несет с собой обломки льда, ветки, прошлогоднюю листву, словно воспоминания о минувшем, унося их прочь, чтобы освободить место для нового. Ее течение стремительно, бурлит, пенится, отражая в своих волнах бездонное голубое небо и яркое солнце. Кажется, нет силы, способной остановить этот натиск, эту безудержную энергию.

А вот и зима. Река замедляет свой ритм. Ее воды становятся тяжелыми, свинцовыми, покрываются тонкой коркой льда, а затем и толстым панцирем. Течение едва заметно, лишь легкое дрожание подо льдом выдает его присутствие. Она не замирает полностью, нет, но ее движение становится почти медитативным, глубоким, скрытым от глаз. Под толщей льда, в темноте и холоде, она продолжает свой путь, невидимая, но неизменная.

Мы хотели бы остановить ее. Хоть на мгновение, хоть на секунду. Задержать этот поток, рассмотреть каждую каплю, каждый отблеск, каждую частичку ее истории. Но никак. Она может только пересохнуть. И это будет конец. Не просто

остановка, а полное исчезновение, забвение.

Вот и человек так. Родился. Кажется, все впереди. Во всю ширь. Как та весенняя река, он полон энергии, надежд, планов. Каждый день — новое открытие, каждый шаг — новое приключение. Мир кажется безграничным, возможности — бесконечными. Он бурлит, пенится, стремится вперед, не оглядываясь, не задумываясь о том, что ждет впереди. Он верит в свою неуязвимость, в свою вечность.

А вот и нет.

Постепенно, незаметно, течение замедляется. Не сразу, не резко. Сначала это лишь легкое замешательство, потом — усталость, затем — осознание того, что некоторые берега уже пройдены, некоторые повороты остались позади. Жизнь, как река, начинает замедлять свой ритм. Зима приходит не с морозами, а с мудростью, с опытом, с пониманием того, что не все мечты сбудутся, не все дороги будут пройдены.

Человек, как и река, не останавливается полностью. Он продолжает свой путь, но уже не с той безудержной силой. Его движение становится более глубоким, более осмысленным. Он уже не стремится вперед сломя голову, а скорее плывет, наслаждаясь каждым мгновением, каждым отблеском солнца на воде, каждым шорохом ветра в прибрежных камышах. Он смотрит на мир уже не глазами юнца, а глазами того, кто многое видел, многое пережил.

И он тоже хотел бы остановить. Хоть на мгновение, хоть на секунду. Задержать этот поток воспоминаний, этот бег

времени, чтобы еще раз пережить самые яркие моменты, еще раз обнять тех, кого любил, еще раз почувствовать себя молодым и полным сил. Но никак.

Река Времени не останавливается. Она может только пересохнуть. И для человека это тоже конец. Не просто остановка, а полное исчезновение, забвение.

Но пока она течет, пока есть движение, есть жизнь. И в этом движении, в этом неумолимом потоке, есть своя красота, своя мудрость.

* * *

Антонина сидела на крыльце террасы, щурясь от утреннего солнца. Оно ласково гладило ее лицо, выхватывая золотистые нити в косе, что тяжелым жгутом лежала на плече. Несмотря на возраст, она была статной, с прямой спиной и искоркой в глазах, которая, казалось, никогда не угасала. Тихо, хорошо. Это словосочетание стало ее мантрой с прошлой весны, когда они с мужем окончательно перебрались жить на дачу.

Она по-деловому окинула взором хозяйство. Вон там, у забора, пышно цветет жасмин, его аромат уже доносится до террасы. Чуть дальше, на грядках, зеленеют ровные ряды моркови и свеклы, а над ними, словно стражи, возвышаются кусты помидоров, уже наливаясь соком. Вдоль дорожки, выложенной аккуратными камешками, тянутся яркие петунии, а в дальнем углу сада, под старой яблоней, притаилась уютная беседка, увитая диким виноградом.

Антонина улыбнулась и довольно кивнула. Все сделано добротно, с любовью. Каждый уголок сада радовал глаз, каждая деталь говорила о заботливых руках. А ведь кажется, совсем недавно они купили этот участок. Пустой и заброшенный, с бурьяном по пояс и покосившимся сараем. Соседи тогда крутили пальцем у виска, мол, зачем вам это старье, да еще и в таком возрасте. Но Антонина с мужем лишь отмахи-

вались. Они видели потенциал, чувствовали, что это место станет их домом, их райским уголком.

Поднимали с нуля. Сначала расчищали, выкорчевывали сорняки, вывозили мусор. Потом планировали, чертили схемы, спорили до хрипоты, где будет грядка, а где — клумба. Муж, с его золотыми руками, строил террасу, беседку, чинил забор. Антонина же, с ее неиссякаемой энергией, сажала, поливала, ухаживала за каждым ростком, как за малым дитем.

Было тяжело, конечно. И спина болела, и руки ныли, и солнце палило нещадно. Но они не сдавались. Каждый новый цветок, каждый созревший плод был для них маленькой победой, подтверждением того, что они на правильном пути. И вот теперь, сидя на террасе, Антонина чувствовала глубокое удовлетворение. Это был не просто сад, это была их история, их труд, их любовь, воплощенная в каждом листочке, в каждом цветке.

Она закрыла глаза, вдыхая свежий утренний воздух, смешанный с ароматом цветов и земли.

* * *

— Тонечка, ты чего, милая? Опять плакала? — ласково спросил дед Антон, присев рядом на скамейку в саду.

Девочка, смахивала слёзы ладошкой.

— Дедушка, ну чего они! Смеются надо мной! Рыжая и рыжая!

— Да какая же ты рыжая? — улыбнулся дед, поглаживая внучку по голове — Какая есть — золотая ты у меня. Золотая.

Тонечка прижалась к деду, и голос её дрожал: — Мальчишки дразнят, дед. Пугают меня.

— Как пугают? — нахмурился Антон.

— Говорят, влезут ночью в окно и косу мне ножницами обрежут. Будешь ещё страшнее, говорят. Дедушка, я правда такая некрасивая? — глаза девочки наполнились слезами.

— Это кто же такое говорит? — дед внимательно посмотрел на внучку.

— Сашка и Лешка! А девочки старшие смеются и кричат мне: «Пугало огородное!» А мне обидно, дедушка. Я играть с ними хочу, дружить.

Дедушка крепко обнял Тонечку.

— А ты не бойся, милая. Тебя солнышко любит, и мы тоже. Ты самая красивая для нас — Пойдём домой, там бабушка пироги завела, — улыбнулся дед.

— Пироги! — глаза Тонечки засветились.

— Пироги. С капустой и картошкой. Беги! Я тоже скоро приду, только дрова закончу колоть. Чай будем пить.

— Дай-ка я тебя поцелую, — дед нежно коснулся губами лба внучки — Ну, беги, беги.

Тонечка уже скрылась в глубине сада, а дед всё смотрел ей вслед. В кого она цветом пошла? В роду вроде рыжих и не было.

Смешная, худая, с огромными голубыми глазами. А волосы медные, на солнце выгорают, становятся золотые. Смешная, качает головой Антон, и сердце его наполняется нежностью.

* * *

Занятия в кружке сегодня затянулись. На улице уже смеркалось, и город постепенно погружался в вечернюю тишину. Девочки давно разошлись по домам, а Тоня всё ещё сидела за столом, внимательно слушая Марию Степановну. Та показывала, как вывязывать новый узор — сложный, но очень красивый. Тоня старалась не упустить ни одного движения, чтобы потом повторить всё сама.

Когда урок подошёл к концу, Тоня аккуратно воткнула спицы в клубок шерсти. Затем сложила моточки ниток в пакет, аккуратно положила образцы вязки в папку. Всё было на своих местах, как и должно быть.

Уже накидывая куртку, Тоня заметила, что не застегнула молнию на сумке. В спешке дернула за замочек — и хвостик молнии остался у неё в руке. Молния предательски расползалась, и сумка начала открываться.

— Тоня, тебя проводить? — заботливо спросила Мария Степановна, заметив замешательство девочки.

— Спасибо, не нужно. Мне недалеко, — быстро ответила Антонина, уже направляясь к двери.

— До свидания, Мария Степановна! — крикнула она, выходя на улицу, где уже сгущались сумерки.

На улице Тоня спрятала косу под шапку и уверенно зашагала к дому. Её шаг был быстрым, почти решительным.

Она почти дошла, как дорогу преградила компания мальчишек. Во главе стоял Санька — самый дерзкий и жестокий из них. Его глаза сверкали злобой, а в руках он держал большие ножницы.

— Ну привет, Рыжая! — злобно процедил он сквозь зубы. — Ненавижу рыжих!

Тоня растерялась, не ожидая такой встречи. Голубые глаза наполнились слезами.

— Парни, держите её! — смачно командовал Санька.

Двое парней схватили Тоню за руки. Санька, развязной походкой, держа перед собой ножницы, приближался всё ближе.

— Снимите с неё шапку, косу резать будем! — заржал он.

Тонина шапка упала на мокрую землю. Мальчишки сжали

её запястья ещё сильнее. От боли Тоня пронзительно закричала и неожиданно для себя зубами вцепилась в руку одного из нападавших. Тот выпустил её руку и отскочил в сторону.

— Дура! Ты мне руку прокусила! — пронзительно крикнул он, зажимая место укуса ладонью. Рукав рубашки стремительно намокал от крови.

Видя это, второй нападавший мгновенно отпустил руку Тони.

— Ах ты, глиста рыжая! — орал Санька. — Я сейчас тебе!

Сердце Тони забилось со страшной силой. Она наклонилась вперёд, и из сумки выпал клубок с вязальными спицами. Молниеносно, как кошка, она нагнулась и выдернула большую спицу из мотка шерсти.

— Подойдёшь — глаза выколю, — спокойно произнесла она.

— Пойдём, Саня, — Лёшка дёрнул друга за рукав. — Эта дура рыжая может! Хватит уже крови.

Санька злобно зарычал и бросил ножницы в овраг.

— Сука, бросил он уже повернувшись к девочке спиной.

Мальчишки быстро скрылись из вида.

Тоня стояла, держа спицу, пока не убедилась, что осталась одна. Только тогда слёзы потекли по щекам. Она подняла шапку, моточки шерсти, неспеша убрала всё в сумку. Ладошкой вытерла губы от крови и побежала домой.

* * *

Тоня была лучшей в классе. Это знали все: учителя, одноклассники, и, конечно же, родители, чьи глаза светились гордостью, когда директор школы, с улыбкой, вручал диплом об окончании именно ей первой. Директор долго хвалил ее, отмечая не только блестящие успехи в учебе, но и активное участие во всех школьных делах. Тоня, смущенно теребя кончик своей огненной косы, стояла перед ним — высокая, тонкая, в голубом платье, с не по годам серьезным выражением лица.

Везде первая. В учебе, в спортивных соревнованиях, в организации школьных мероприятий. Она смогла выстоять над

насмешками других, не озлобиться, не поддаться людской зависти. А ведь какой смешной она была, когда перешагнула порог школы! Самая маленькая в классе, рыженькая, курносая, она долго была предметом шуток. Но, как росточек, что тянется к солнышку, так и Тонечка тянулась к знаниям. Все ей давалось легко, как мелодия нежной песни.

— Жаль, дед не дожил, — вздыхала мама, глядя на свою дочь. — Сколько бы радости было.

* * *

Легко, без усилий, Тоня поступила в техникум. И вновь — первая. Но, к удивлению, многих, в городе после окончания она не осталась. Вернулась в родной поселок, где жизнь текла размеренно и предсказуемо. Очень быстро, из скромного товароведа, она стала директором местного магазина. Молодая, но требовательная, она руководила небольшим коллективом, состоящим в основном из бывших одноклассниц.

Молодые продавщицы, шушукались по углам, когда Тоня проходила мимо.

— Директриса, выбилась! — злобно шипела Зойка, чьи амбиции так и остались нереализованными.

— Так, рыжая! — вторила ей Людка, с нескрываемой завистью. — Она рыжая и есть! Ненужная никому, вот карьеру и делает.

— А что мы сегодня не работаем? — спокойно, но с нот-

кой стали в голосе, обвела взглядом сотрудниц Антонина. — Расходимся по своим местам.

— Пугало, — злобно прошептала Зойка, и, раскачивая бедрами, поплыла в соседний зал.

— Антонина Николаевна, товар привезли! Нужно бумаги подписать, — в дверях кабинета появилась товаровед Ирина Михайловна.

Тоня аккуратным почерком подписывала документы.

— Водитель, какой-то новый. Говорит, на время отпуска, — продолжила Ирина, кокетливо наклонив голову. — Ничего такой.

— Ирина Михайловна, а где водитель? — Тоня подняла голову от бумаг.

— Так там, у служебного входа. Товар разгрузил и бумаги ждет.

— Ирина Михайловна, чаю хоть предложили человеку? Ему ведь обратно час ехать, — спросила Тоня, в ее голосе звучала искренняя забота.

— Вот ещё, перебьется! — закатила глаза Ирина, явно не разделяя энтузиазма директрисы.

Антонина вздохнула. В ее глазах мелькнула тень разочарования, но тут же сменилась решимостью. Она встала из-за стола и, не говоря ни слова, направилась к служебному входу. Огненная коса, словно язычок пламени, развевалась за спиной.

Около микроавтобуса стоял молодой мужчина. Он зяб-

ко кутался в куртку, поглядывая на закрытую дверь. В этот момент дверь распахнулась, и на пороге появилась молодая женщина, с добрыми глазами и лучистой улыбкой.

— Здравствуйте, простите, не знаю, как вас зовут? — об-

ратилась она к нему.

— Матвей, — мужчина улыбнулся в ответ, и его лицо сразу стало моложе и приветливее.

— А я Антонина Николаевна, будем знакомы, — она протянула руку. — Матвей, приглашаю вас на чай, — Антонина жестом пригласила войти.

— Отказываться не буду. Спасибо. Замёрз, если честно. А кафе у вас почему-то закрыто.

— Так понедельник! Выходной, — засмеялась Тоня, и её смех был таким же звонким, как колокольчик.

Тоня спешно накрывала на стол в небольшом, уютном кабинете. Ажурная скатерть и белые чашки. Пригодились бутерброды, принесенные из дома, баночка варенья, домашнее печенье. Матвей стоял в дверях и любовался Антониной, её ловкими движениями, тем, как свет падал на её волосы. Чайник напомнил о себе резким щелчком.

Тоня повернулась к нему.

— Так проходите, раздевайтесь. Чай готов! — всплеснула она руками.

Матвей вошёл в кабинет и снял шапку.

— Рыжий! — ахнула Тонечка и звонко рассмеялась.

— Есть такое, — смущённо произнёс Матвей. — Так и вас, смотрю, солнышко любит.

— Любит, любит, так дедушка всегда говорил, — растрогалась Тонечка, и в её глазах заблестели слезы.

Зимний вечер окутал посёлок. Рабочий день давно подо-

шёл к концу. Сторож заступил на смену, а в кабинете Антонины Николаевны горел свет.

Зойка с Людкой пытались заглянуть в окно с улицы, но мороз украсил стёкла причудливым узором.

— Ни черта не видно, — Зойка со злостью плюнула.

— Зоя, идём, — позвала Людка. — Холодно.

А молодые люди увлечённо вели разговор, забыв о времени. Да что о времени, забыв обо всём на свете.

— Поздно как! — Тоня посмотрела на часы. — Тебе ведь ещё ехать!

— Ну, вот мы и на ты, — довольно сказал Матвей.

— Извини, — смущённо прошептала Тоня.

— И это замечательно, — засмеялся Матвей уже в дверях.

— Приеду в следующий понедельник! Будешь ждать?

— Буду! — Тоня опустила глаза.

Матвей приехал через два дня.

С момента знакомства Матвея и Тони прошло полгода. По углам магазина поползли сплетни. Чего только не говорили злые языки. Но больше всего обсуждали цвет волос.

— И как это они нашли друг друга? Магнитом стянуло, — судачили сотрудницы.

А молодым людям было хорошо вдвоём. А летом сыграли свадьбу, и Матвей переехал в посёлок.

* * *

Матвей давно проснулся. Он лежал на боку, подперев голову рукой, и любовался молодой женой. Тонечка сладко спала, её рыжие волосы разметались по подушке вокруг лица, словно солнечные лучи, рассыпавшиеся по утреннему небу.

— Точно солнышко, — улыбнулся Матвей про себя. — Моё солнышко.

На минуту он задумался, как бы сложилась его жизнь, если бы он тогда отказал своему товарищу и не поработал за него. Сердце кольнуло словно иглой — ведь именно тогда он встретил Тоню. Именно тогда началась их история.

Он осторожно провел рукой по её волосам, нежно касаясь каждого локона, словно боясь разбудить. Потом наклонился и вдохнул — ее запах, сама нежность, сама любовь, которая исходила от неё. Голова закружилась от этого чувства. Тоня во сне улыбалась.

Два рыжих человека встретились, чтобы больше никогда не расставаться.

Но река времени, неумолимая и быстрая, продолжала свой бег. Она уносила с собой дни, недели, месяцы, оставляя лишь тонкий след воспоминаний. Мгновения их встреч, их смех, их прикосновения — все это становилось частью прошлого. Но, несмотря на неумолимый ход времени, их любовь

оставалась неизменной. Она не увядала, не тускнела, а наоборот, становилась только крепче, глубже.

* * *

Продавщицы стояли кружком, словно заговорщицы, шепчась о чем-то важном. Воздух в магазине сегодня был пропитан напряжением и любопытством.

— Видела я его! — нарочито громко, чтобы все слышали, заявила Зойка, ее голос звенел от возбуждения. Она была известна своей любовью к сплетням и умением превращать любую мелочь в настоящую драму.

— Где? — с придыханием вторила Людка, ее глаза расширились в предвкушении. Людка всегда была самой жадной до новостей, готовая слушать часами, если речь шла о ком-то из их небольшого поселка.

— В город ездила, смотрю, их машина стоит, — Зойка размахивала руками, словно дирижируя оркестром, — Я так вроде мимо прошла, а сама отошла в сторону и наблюдаю.

— Ну и что там? — нетерпеливо подстегнула ее продавщица Галя, которая обычно держалась в стороне, но сегодня явно не могла устоять.

— Сидят, парочка», — Зойка понизила голос, делая паузу для пущего эффекта — Матвей и девица городская. У нее стрижка модная, а он, рыжий чёрт, ее за руку держит.

— Ну, а потом? — выдохнула Людка, ее щеки раскраснелись.

— Целоваться начали, — заржала Зойка, и ее смех, каза-

лось, эхом отразился от стен магазина.

Антонина стала невольной свидетельницей этого разговора. Она шла в зал, чтобы сообщить радостную новость: будет хорошая премия. Хотелось обрадовать девочек, увидеть их улыбки. Но слова Зойки, словно острые осколки, вонзились в ее сердце.

Матвей. Ее Матвей. Рыжий чёрт, как его назвала Зойка. Ее муж. И девица городская с модной стрижкой. Сердце забилось раненой птицей, отчаянно пытаясь вырваться из груди. Дальше слушать она не могла. Не могла, да и не хотела. Словно в тумане, она вернулась в свой кабинет.

Попыталась продолжить работу. Цифры расплывались перед глазами, буквы превращались в неразборчивые каракули. Слез не было. Только какая-то опустошающая пустота. Темная и разрушающая, словно выжженная земля после пожара. Она чувствовала, как что-то внутри нее ломается, трещит по швам.

С трудом дождалась конца рабочего дня. Каждый час казался вечностью. Когда часы пробили шесть, она, словно робот, встала, закрыла кабинет. Спокойно прошла через торговый зал, стараясь не встречаться ни с кем взглядом. Невозмутимо пожелала всем хорошего окончания дня и вышла на улицу.

Горячий воздух обжег ее лицо. Она сделала несколько шагов, пока не оказалась в тени старого тополя, подальше от любопытных глаз. И только здесь, в одиночестве, под шелест

листьев, разрешила себе заплакать. Слезы текли ручьями, смывая боль, обиду и горькое разочарование. Плакала она тихо и долго.

Антонина вошла домой и прислонилась к стене, глубоко вздохнув. Она так ждала этого вечера — в её душе зрела важная новость, которую она собиралась наконец рассказать. Рыжий кот ласково терся о её ноги, словно соскучился за день. Тоня наклонилась и погладила красавца.

— Проголодался? Давай, я тебя накормлю, — улыбнулась она, взяв Рыжего на руки и направляясь в кухню. Вечернее солнце заглянуло в окно, заливая комнату тёплым светом.

— Солнышко тебя любит, — вспомнила она слова деда и улыбнулась. Но тут же нахлынула тревога: «Но ведь ничего не ясно, правда?» — обратилась она к коту. И ей показалось, что он кивнул в ответ.

— А раз ничего не ясно, будем готовить ужин, — решила Тоня и включила музыку, чувствуя, как настроение постепенно улучшается.

Она решила, что не станет спрашивать у Матвея ничего лишнего. Пусть будет, как будет. Но и новость сообщить не решилась, стараясь вести себя как ни в чём не бывало.

Когда она убирала посуду со стола, Матвей остановил её.

— Тоня, что-то случилось? — попытался заглянуть ей в глаза.

— Ну-ка, садись! Рассказывай! Мы же договорились! Всё рассказывать друг другу, — уверенно сказал он и усадил её

на стул.

Горькие слёзы потоком хлынули из Тониных глаз. Она больше не могла сдерживаться. Сбиваясь, пыталась рассказать, что невольно услышала в магазине.

Матвей внимательно слушал, а затем рассмеялся. Тоня могла ожидать чего угодно, только не этого, и заревела ещё сильнее.

Матвей перестал смеяться, опустился на колени и взял её руки в свои.

— Вот никак не могу поверить, что моя умная жена поверит бабским сплетням. Хорошо, что хоть рассказала — Эх, Тонечка, моё рыжее солнышко! — ласково прошептал он, нежно целуя её лицо. — Люблю тебя.

— Давай я буду мыть посуду, а ты мне подавай, — улыбнулся Матвей, вставая и направляясь к раковине.

— Матвей, — всхлипнула Тоня, — я хотела сказать…

— Что, милая? — спросил он, не отрывая взгляда от неё.

— У нас будет ребёнок, — прошептала она, едва сдерживая улыбку и слёзы одновременно.

Вечернее солнце давно спряталось за горизонт, и на кухне воцарилась тёплая тишина. Они стояли, обнявшись, и Матвей нежно гладил её рыжие волосы, целуя в макушку. Тоня счастливо прижималась к нему, чувствуя, как в её сердце расцветает новая жизнь.

На следующий день Антонина Николаевна подала заявление об увольнении. Её решение было твёрдым. А через

несколько дней они вместе с Матвеем покинули посёлок.

* * *

Антонина аккуратно убрала волосы в тугой пучок и подколола шпильками. Подняла руки над головой и сладко потянулась. Шесть часов утра. Пора готовить праздничный обед. Сегодня годовщина их с Матвеем свадьбы. Приедут дети и внуки. Все соберутся за столом в большом доме, который они с мужем построили.

Трое сыновей с невестками, шестеро внуков и четырёхлетняя внучка — рыжее Солнышко, самая любимая всеми и особенно дедом Матвеем.

Один день

— Ты мое Море, шепчу я тебе, и слова эти, словно легкий бриз, касаются твоих губ. Ты улыбаешься.

— Мой Маячок, шепчешь ты.

Я кладу голову тебе на колени, и мир вокруг перестает существовать. Только твои руки, нежные касаются моих волос. Каждое прикосновение — это волна, ласкающая берег моей души. По моему телу бегут предательские мурашки, словно крошечные рыбки, скользящие по глади воды. Я вздрагиваю даже от твоего взгляда, такого глубокого и бездонного, как море, в котором я тону.

Сердце перестает биться, замирает, словно застывшая волна, готовая вот-вот обрушиться. Я забываю, как дышать, захлебываясь в безмолвном восторге. В твоих объятиях я — лишь песчинка, унесенная потоком.

Я умираю без тебя, Море мое. Умираю в этой сладкой агонии, в этом блаженном забвении, где каждый твой вздох — моя жизнь, а каждый твой взгляд — мой вечный закат. И в этой смерти я обретаю истинное бытие, потому что ты — мое все.

Ты мое Море.

* * *

Шасси коснулись взлетной полосы с мягким, почти неслышным шорохом, и самолет, словно гигантская птица, плавно покатился по бетону. Посадка. Еще одна точка в бесконечной череде перелетов. Ты, как всегда, ждешь меня.

Одной рукой поправляю сумку на плече, другой тяну ручку чемодана. Усталые лица пассажиров, утомленные долгим перелетом, мелькают вокруг. Сегодня багаж пришлось ждать особенно долго. Лента с медленным скрипом тащила тяжелые чемоданы, и казалось, это будет бесконечно. На экране мобильного высветилось сообщение: «Я жду тебя!»

Я пробираюсь через толпу, пытаясь ускориться, но это невозможно, и меня это раздражает. Впереди — толстая мамаша с детьми, обвешанная котомками, как новогодняя елка игрушками. Дети такие же неприятные, как она сама, растянулись во весь проход, перекрыв все движение.

— Ладно, — уговариваю я сам себя — еще пятнадцать минут я смогу потерпеть, но не больше.

Я вижу тебя сразу. Тебя трудно не заметить. Ты всегда привлекаешь внимание, ты другая, не такая как все. Я даже ревную тебя к себе, к тому образу, который ты создаешь, к тому, как ты притягиваешь взгляды. До сих пор не могу поверить, что ты моя или я твой? Эта мысль, как сладкая пытка, преследует меня.

Ты видишь меня, и на твоем лице расцветает улыбка. Делаешь шаг вперед. На тебе любимые красные туфли на высоком каблуке, и я знаю, что это не просто обувь. Это твой вызов миру, твое заявление о себе. И я люблю тебя за это. За твою смелость, за твою яркость, за то, что ты всегда остаешься собой.

Я ускоряю шаг, забыв о толпе, о раздражении, о долгой дороге. Все исчезает, когда я вижу тебя.

* * *

Таксист наблюдает за нами в зеркало. Его глаза, кажет-

ся, прожигают нас насквозь, но нам все равно. Мы слишком долго были вдали друг от друга, изголодались по прикосновениям, по запаху кожи, по биению сердца рядом. Многочасовые телефонные разговоры, полные обещаний и томных вздохов, не могут заменить физическую близость, которая сейчас, кажется, витает в воздухе, густая и осязаемая.

Моя рука скользит по твоей блузке, пальцы находят пуговицы, расстегивают одну за другой. Ткань податливо расходится, открывая взору нежную кожу.

Я дотрагиваюсь до груди, чувствую ее упругость, тепло, которое проникает сквозь кончики пальцев прямо в душу. Ты вздрагиваешь, но не отстраняешься. На твоем лице появляется улыбка, легкая, почти незаметная, но такая желанная.

Аккуратно, почти невесомо, ты убираешь мою руку, глазами показывая на таксиста. Его взгляд в зеркале становится еще более настойчивым, почти осуждающим. Мое лицо искажается от злости, от бессилия, от невозможности сейчас же, здесь, в этой тесной машине, утолить жажду, которая разрывает меня изнутри. Я не могу больше терпеть, я хочу тебя разорвать от нетерпения, от желания слиться с тобой в одно целое.

С силой сжимаю твое колено, пальцы впиваются в плоть, причиняя боль. Ты терпишь, не издавая ни звука, лишь слегка прикусываешь губу. В ответ получаю поцелуй. Жадный, но короткий, как вспышка молнии. Твои губы обжигают мои, язык проникает внутрь, исследует, обещает. Этот поцелуй

— как глоток воды в пустыне, он лишь усиливает жажду, но дает надежду, что скоро, очень скоро, мы сможем утолить ее полностью.

Таксист продолжает наблюдать. Но теперь его взгляд кажется мне неважным, далеким. Вся вселенная сузилась до нас двоих, до этого поцелуя, до этого невыносимого ожидания.

* * *

Как хорошо, что не нужно тратить драгоценное время на ресепшен, только взять ключи. Я уже чувствую твой запах, твою близость, и это предвкушение сводит меня с ума. Двери лифта бесшумно смыкаются, и я притягиваю тебя к себе, впиваясь в твои губы. Я как вампир хочу твоей крови. Алой, сладкой и терпкой, как красное вино.

Ты отвечаешь сразу, с той же неистовой страстью, что и я. Твои руки обвивают мою шею, пальцы запутываются в моих волосах, и я чувствую, как ты дрожишь. Ты тоже скучала. Я знаю это по тому, как ты целуешь, по тому, как твои губы ищут мои, по тому, как ты прижимаешься ко мне всем телом, словно боишься, что я исчезну.

— Моё Море…

Я шепчу это имя, вдыхая твой аромат, чувствуя твою кожу под своими пальцами. Ты моё Море, бескрайнее и глубокое, способное поглотить меня целиком, унести в свои пучины,

где нет ничего, кроме нас двоих. И я готов утонуть в тебе, раствориться без остатка, лишь бы быть рядом, чувствовать твою близость, твою любовь.

Лифт поднимается, но мы не замечаем этого. Для нас время остановилось, застыло в этом поцелуе, в этом объятии, в этом безумном желании, которое охватило нас обоих. Мы — две половинки одного целого, две души, которые нашли друг друга в этом огромном мире. И сейчас, в этот момент, мы едины, неразделимы, и ничто не сможет нас разлучить.

Двери лифта открываются, но мы не спешим выходить. Мы стоим, прижавшись друг к другу, наши сердца бьются в унисон, наши дыхания сливаются в одно. И я знаю, что эта ночь будет долгой, страстной, незабываемой. Потому что ты моё Море, и я готов плыть по твоим волнам до самого рассвета, до самого конца света.

* * *

Я беру тебя сразу. Без всяких прелюдий. Я больше не могу ждать. Наверное, грубо, мне плевать. Мне нужно чувствовать себя в тебе. Врасти в тебя, поглотить. Ты не сопротивляешься. Я жаден до изнеможения. Я никогда так не хотел ни одну женщину.

— Прости, шепчу я — Прости, не могу без тебя.

Я вдыхаю твой запах, прижимаясь сильнее. Хочу пахнуть тобой. Закрываю глаза, но только на секунду. Боюсь закрыть

их надолго — кажется, что, если я это сделаю, ты исчезнешь, как сон. Я смотрю на тебя с восхищением и задаюсь вопросом: за что мне выпало такое счастье? Впервые за всю свою жизнь я жалею, что у меня были другие женщины. Одно воспоминание о том, что я прикасался к ним, вызывает во мне чувство неприязни. Сейчас я понимаю, что это была просто мужская похоть, по-другому я не могу это назвать. Грубый секс и ничего более. Я жалею, что это было…

Я глажу тебя, трогаю. Какая у тебя нежная кожа. Целую каждый сантиметр твоего тела. Хочу быть грубым и нежным одновременно. Хочу ещё и ещё.

— Я в душ, ты со мной? — нужно ещё спуститься и купить продукты. Ты слышишь меня? — ты аккуратно убираешь мою руку и смеёшься.

— Или ты решил сегодня ужинать мной?

Я не против. Нежно целую твои губы.

— Но выйти в город всё равно придётся! — ты встаёшь и подбираешь нашу одежду с пола.

Я слышу звук воды в ванной. Лениво встаю, расслабился. Многочасовой перелёт с пересадкой даёт о себе знать. Нужно бы немного поспать, но не могу себе это позволить. У нас слишком мало времени побыть вдвоём.

* * *

Ночной Питер. Он раскинулся перед нами, словно бар-

хатный плащ, усыпанный редкими, мерцающими звездами. Окна домов темны, и это придает городу особую, таинственную красоту. Кажется, что мы одни в этом огромном, спящем городе. Только мы двое, и Питер, который, кажется, дышит вместе с нами.

Я держу тебя за руку, крепко, боясь отпустить. Боюсь, что, если я ослаблю хватку, ты растворишься в этой ночной дымке, исчезнешь, как мираж. А я не могу этого допустить. Я люблю гулять с тобой. Могу делать это часами, днями, неделями, месяцами, годами. Но только с тобой. Только твоя рука в моей, только твой смех, который эхом разносится по пустынным улицам, только твой взгляд, который отражает свет фонарей.

Мы останавливаемся каждые десять минут. И каждый раз я нежно целую тебя. Целую твои губы, твои щеки, твой лоб. Целую так, будто это последний раз, словно завтра не наступит. И каждый раз, когда наши губы соприкасаются, я чувствую, как по венам разливается тепло, как сердце начинает биться быстрее.

Питер все понимает. Он видел много влюбленных. Он видел их радость, их слезы, их страсть. Он знает много тайн, и одна из них — наша.

* * *

— Что ты будешь?

— Спагетти с сыром.

— И всё?

— И всё!

Ты сидишь обнажённая на подоконнике в кухне наших апартаментов. Ничуть не смущаясь. В одной руке бокал с вином, в другой — телефон. Кокетливо покачиваешь ножкой с безупречным педикюром. За окном — ночной Питер, мерцают огни соседних домов. Я не боюсь, что кто-то тебя увидит. Наверное, даже хочу этого. Пусть завидуют, пусть хотят! Ты всё равно моя.

Вода в кастрюле закипает, я осторожно опускаю спагетти и поворачиваюсь к тебе.

Ты читаешь мне вслух какие-то короткие рассказы. Если спросить меня сейчас, о чём они, я не отвечу. Мне кажется, я не понимаю ни слова — я слышу только твой голос. Мягкий, кошачий, обволакивающий. Я наблюдаю за тобой, как меняется твоё лицо от прочитанного. Ты смахиваешь слезу и поднимаешь на меня глаза.

— Боже, — шепчу я, — как ты прекрасна.

Подливаю ещё вина в бокал. Это уже вторая бутылка. Я хочу, чтобы сегодня ты была пьяна, смела и податлива. Нежна и развязна. Только моя. Впереди целая ночь, и это меня

радует.

Ужин готов. Я накрываю на стол, зажигаю свечи. Ты легко спрыгиваешь с подоконника и садишься за стол.

— Ты жалеешь о чём-нибудь?

— Да, очень.

— О чём?

— Что не взял тебя раньше.

— Почему?

— Ты мне отказала!

— Да? Когда?

— Несколько лет назад.

— Я не помню.

— Я подвозил тебя к дому, хотел поцеловать. Ты остановила меня. Сказала, что не нужно.

— Я не помню, совсем не помню этого.

— Зато помню я. Я ведь уже тогда любил тебя.

* * *

Я не даю тебе спать всю ночь. Мои пальцы скользят по твоей коже, оставляя за собой дорожки мурашек, а губы шепчут слова, которые ты, кажется, не слышишь, но чувствуешь каждой клеточкой своего тела. Я обладаю тобой или ты мной? Этот вопрос висит в воздухе, не требуя ответа, потому что в этот момент мы единое целое, неразделимое, как волна и океан.

Ты мое Море. Бушующее и спокойное. С накатами волн, когда страсть захлестывает нас с головой, и полным штилем, когда мы просто лежим, слушая биение наших сердец, сливающихся в единый ритм. Я тону в тебе, растворяюсь без остатка, теряя себя и находя в тебе нечто большее, чем просто отражение.

От усталости ты засыпаешь. Твое дыхание становится ровным и глубоким, а тело расслабляется в моих объятиях. Я обнимаю тебя, храню твой сон, как самое драгоценное сокровище. Мои глаза не отрываются от твоего лица, запоминая каждую черточку, каждый изгиб.

Вздрагиваю и просыпаюсь. Позволил себе заснуть, всего на мгновение, но этого оказалось достаточно. Глазами ищу тебя. Ты опять убежала из моих объятий. Спишь на краю кровати, свернувшись калачиком, словно дикий зверь, который не терпит неволи. Я знаю, что ты любишь свободу, что тебе жарко от моих объятий, от моей всепоглощающей любви.

— Ты такой горячий, шепчешь во сне, когда я прижимаю тебя к себе. Твои слова неразборчивы, но я чувствую их смысл, их тепло.

— Давай немного поспим, и я понимаю, что ты устала, но не хочешь отпускать меня.

Я не могу без тебя спать. Мои глаза закрываются, но разум бодрствует, ищет тебя, чувствует твое отсутствие. Я вообще не могу без тебя. Эта мысль пронзает меня, как молния, и

я боюсь тебе это сказать. Боюсь быть слабым, боюсь, что ты испугаешься моей зависимости, моей потребности в тебе. Я могу только ещё сильнее обнять тебя, прижать к себе, пытаясь передать всю глубину своих чувств без слов.

Спи, мое Море. Я буду рядом, оберегая твой сон, пока ты не проснешься и не вернешься в мои объятия. И тогда мы снова будем бушевать и успокаиваться, тонуть друг в друге, пока не наступит новый рассвет.

* * *

Я просыпаюсь от дрожи всего тела. Не просто дрожи, а какого-то необъяснимого, электрического ощущения, которое пронизывает меня насквозь. Никогда в жизни я не испытывал ничего подобного. Это не страх, не холод, это… возбуждение. Как будто через меня пропустили ток, и каждая клеточка моего тела вибрирует в унисон с этим неведомым импульсом.

Ты целуешь меня. Твои губы мягкие, теплые, и этот поцелуй — он как искра, которая поджигает все внутри. Мне кажется, я лечу. Невесомость, эйфория, безумное, всепоглощающее счастье. Я не чувствую кровати, не чувствую своего тела, только тебя, твои губы, твой запах, твое тепло.

Ты поднимаешь голову, и наши взгляды встречаются. В твоих глазах — целая вселенная, полная нежности, любви и чего-то такого глубокого, что я не могу выразить словами.

И в этот момент, когда наши глаза встречаются, ты произносишь:

— Доброе утро, мой Маячок.

— Никто и никогда так не будил меня, никогда, слышишь? Я не знал, что такое может быть, что ты делаешь со мной?

Эти слова, этот взгляд, этот поцелуй — они переворачивают мой мир с ног на голову. Я не знал, что можно чувствовать такое, что можно быть настолько счастливым, настолько полным жизни.

Я впиваюсь в твои губы, целую тебя с такой силой, с такой страстью, будто хочу впитать тебя в себя, стать единым целым. Прижимаю тебя к себе, обнимаю так крепко, что, кажется, могу сломать тебе ребра, но мне все равно. Мне нужно чувствовать тебя, твою кожу, твое дыхание, твое сердцебиение.

— Люблю тебя.

* * *

Ты называешь меня, мой Маячок. Я тебя, мое Море.

Я никогда до конца не смогу понять тебя, Море. Твои глубины скрывают тайны, которые не под силу разгадать ни одному смертному. Я никогда не смогу разгадать твой шепот наката, эту вечную песнь, что звучит то ласково, то грозно. Она обещает покой и забвение, но в то же время таит в себе

угрозу.

Я никогда не смогу подчинить тебя, Море. Ты слишком свободолюбиво, слишком необузданно. Твои волны могут укачать, убаюкать, словно нежная колыбель, обещая сладкие сны. А могут погубить, обрушившись со всей своей мощью, не оставив и следа. Ты даришь жизнь и отнимаешь ее, и в этом твоя великая, непостижимая сила.

Однажды я тебя потеряю, Море. Я знаю это. Но ты не сможешь запретить мне любить тебя. Ведь если однажды шагнул в море, то жить без него уже не сможешь.

Надежда, любовь и счастье

Ну вот мы и свободные люди. Олег свернул в рулончик свидетельство о расторжении брака, чувствуя, как бумага холодит пальцы. В воздухе висела тишина, густая и непривычная после пятнадцати лет совместной жизни, которая сегодня закончилась за пятнадцать минут.

— Тебя подвезти? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал как можно более буднично.

Елена покачала головой.

— Спасибо, я пройдусь.

Она легко чмокнула его в щеку, жест, который еще недавно был наполнен теплотой, а теперь казался просто привычкой, от которой трудно избавиться.

— Ну тогда, пока.

Олег развернулся и быстро зашагал в сторону стоянки машин, чувствуя, как ноги сами несут его прочь. Он не оборачивался, но знал, что Елена стоит и смотрит ему вслед. Пятнадцать лет. Казалось, целая жизнь. Но сегодня она уместилась в короткий визит к нотариусу, в несколько подписей и печать. Делить им было особо нечего. Квартира у каждого своя, детей нет. Машина, решили сразу, останется у Олега. Развели быстро, без лишних слов, как будто речь шла о сдаче в аренду комнаты, а не о конце целой эпохи.

Олег уже почти дошел до машины, как вдруг остановился. Резко развернулся, словно что-то забыл, и крикнул, перекрывая шум проезжающих машин:

— Лен, ты если что, звони пожалуйста! Все-таки не чужие люди.

Елена, уже сделав несколько шагов в сторону проспекта, кивнула ему в ответ. Ее силуэт казался хрупким на фоне яркого дневного света. Затем она развернулась и пошла дальше, растворяясь в потоке прохожих.

Странно, но на душе было спокойно. Не было ни горечи, ни злости, ни даже сожаления. Только легкая пустота, которую предстояло чем-то заполнить. Они приняли это решение полгода назад. Приняли обоюдно, просто разойтись. Не было сцен, измен, ссор, которые могли бы стать катализатором разрыва. Просто два человека, которые когда-то не могли дышать друг без друга, просто со временем отдалились.

Как два корабля, которые плыли в одном направлении, но постепенно сбились с курса и теперь дрейфовали в разных морях. И сегодня они официально разошлись по своим гаваням. Олег вздохнул, почувствовал, как ветер треплет волосы, и снова зашагал к машине.

Первая юношеская любовь, как нежный рассвет, прошла, оставив после себя лишь теплые, едва уловимые воспоминания. Лена точно и не могла вспомнить, когда именно это случилось. Наверное, тогда, когда ей поставили тот самый, окончательный диагноз, что она никогда не сможет иметь детей. Мир, казавшийся таким понятным и предсказуемым, вдруг рассыпался на тысячи мелких, острых осколков.

Впервые за столько лет она отказалась ехать в летнюю экспедицию. Это была их с Олегом общая страсть. Страсть к неизведанному, к древним камням и забытым историям.

— Лен, может все-таки поедем? — Олег с надеждой смотрел на нее.

— Олег, я уже решила. Можно я побуду одна? — ее голос звучал глухо.

Олег ничего не ответил. Он уехал один, на все лето. Звонил каждый день, но Лена не отвечала. Ее телефон молчал, как и ее сердце, которое, казалось, тоже перестало биться в прежнем ритме.

Осенью он вернулся, с головой ушел в работу, пытаясь заглушить пустоту, которая поселилась в их доме. Лена тоже взяла дополнительную нагрузку в школе, погрузившись в ру-

тину уроков и проверок тетрадей.

Вечерами они встречались дома, ужинали. Дежурно интересовались, как прошел день. Обсуждали текущие вопросы, счета, мелкий ремонт. Секс был, но скорее на уровне физиологии, механический, лишенный той искры, что когда-то связывала их.

Иногда к ним приходили друзья. Тогда они оживали, смеялись, и казалось, что это прежние Лена и Олег, те, кто еще недавно мечтал о будущем, о детском смехе.

Первое время Олег настойчиво предлагал разные варианты. Он говорил о детском доме, о возможности усыновления. Лена слушала, кивала, но на этом разговор заканчивался. Она не хотела принимать никаких решений, не хотела даже думать о том, что могло бы быть. Со временем Олег перестал заводить этот разговор. Он понял, что ее боль слишком глубока.

По утрам они все еще вместе выходили на утреннюю пробежку. Это была их маленькая традиция, их способ начать день. Но когда рядом с домом открыли новый фитнес-зал, Лена перешла заниматься туда. Олег не менял своих привычек, продолжал бегать один, его шаги становились все более одинокими.

Так и шло время. Работа, дом, работа. Летом Олег в экспедиции, а Лена в отпуск с подругами иди на даче у родителей. Их жизни шли параллельно, но уже не пересекались.

В прошлом году Елене Тимофеевне предложили место за-

местителя директора в новой школе. Школа была построена в микрорайоне рядом с квартирой, которая Лене досталась от бабушки.

— Конечно, переезжай, зачем тратить столько времени на дорогу, — вздохнул Олег, когда она сообщила ему о своем решении.

— В выходные будем видеться.

Но совместные выходные стали выпадать все реже. Их жизни становились все более обособленными, их интересы расходились. Полгода назад они приняли решение развестись. Это было не громкое расставание, а тихое, осознанное признание того, что их пути разошлись навсегда.

* * *

Лена шла в сторону дома, погруженная в свои мысли.

В школе она была звездой. Не просто хорошисткой, а настоящей отличницей. Её спортивные достижения в легкой атлетике были предметом гордости школы, а её заразительный смех и неуемная энергия делали её душой любой компании. Она была воплощением юношеской красоты и жизнерадостности, и казалось, весь мир лежал у её ног.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.